

ТРАНСФОРМАЦИЯ СКАЗОЧНОЙ МОДЕЛИ В РАССКАЗЕ А. ПЛАТОНОВА «ИЮЛЬСКАЯ ГРОЗА»

Аннотация. Рассказ А. Платонова «Июльская гроза» нечасто попадает в зону внимания исследователей. В контексте поздней прозы писателя ему посвящены несколько страниц монографии Н. В. Корниенко. Специальному анализу рассказ подвергнут в статьях К. Уокера и Н. Власовой. В статье К. Уокера – как интертекстуальная переключка с повестью А. П. Чехова «Степь», в работе Н. Власовой – в контексте «детского чтения». В ракурсе православной иконографии проанализирована «Июльская гроза» в статье Н. П. Хрящевой.

Ключевые слова: малая проза; русская литература; русские писатели; рассказы; топика сказок; волшебные сказки.

В данной статье «Июльская гроза» исследована в аспекте трансформации в ней сказочной модели. Ей соответствуют такие элементы, как опасное путешествие, преодоление препятствий, жертвенная любовь, помощь волшебного помощника, счастливый финал. Все эти элементы присутствуют в рассказе, сюжет которого организован как путь маленьких героев сквозь грозу к родительскому дому. Акцентировано время создания произведения: 1938 г. Это дало основание увидеть в нем мерцание биографического сюжета писателя, связанного с арестом его юного сына Платона. Показано, как автор встраивает «сыновний» сюжет в текст произведения, на уровне названия вызывающего радостное восприятие – по аналогии со стихотворением Ф. И. Тютчева «Весенняя гроза». Проходящий сквозь все произведение мотив тревоги за детей, попавших в природную грозовую ситуацию, отражает тревогу Платонова за судьбу собственного сына. Рисуя изобильную жизнь в деревне и колхозе, автор художественно «выправляет» реальную ситуацию в советской стране. Это превращает сюжет рассказа в «советскую сказку». Особенно отчетливо «сказочность» «Июльской грозы» высвечена через сопоставление с жесткими реалиями повести «Котлован». Вместе с тем, анализ образов маленьких героев рассказа подводит к выводу об утрате ими традиционных национальных ценностей, воплощенных в деревенском укладе, который символизирован домом бабушки. Родиной для них стал колхозный дом. Так в сюжете возникает мотив утерянного/забытого рая. Благополучный финал произведения в контексте биографической драмы Платонова становится творческим способом заклания собственной судьбы.

Proskurina E. N.
Novosibirsk, Russia

TRANSFORMATION OF A FAIRY TALE MODEL IN THE A. PLATONOV'S STORY *JULY THUNDERSTORM*

Abstract. *July Thunderstorm* by A. Platonov is infrequently found in the zone of researchers' attention. A few pages in the monograph by N. V. Kornienko examine *July Thunderstorm* in the context of Platonov's late prose, and the story receives a more specific analysis in the articles by K. Walker (as an intertextual reference to A. P. Chekhov's novella *The Steppe*) and N. Vlasova (within the context of children's literature). The article by N. P. Khryashcheva analyzes *July Thunderstorm* from a perspective of Orthodox iconography.

Keywords: small prose; Russian literature; Russian writers; stories; topic of fairy tales; fairy tales.

This article scrutinizes a fairy-tale genre model being transformed in *July Thunderstorm*. The story contains such fairy-tale elements as a dangerous journey, obstacle negotiation, self-sacrificing love, magic assistance, and a happy ending. The story's plot is focused on the little protagonists' way through the storm to their parents' home. The year of the story's creation, 1938, is emphasized as revealing the author's biographical plot connected with the arrest of his young son, Platon. The research shows how the writer integrates the "filial" plot into the story the title of which evokes cheerful emotions as being associated with F. I. Tyutchev's poem *Spring Thunderstorm*. The motif of the children who got overtaken by a natural storm reflects Platonov's anxiety for his own son's destiny. The author artistically "corrects" the real situation in the Soviet country when picturing wealthy life in the village and the collective farm which turns Platonov's story into a "Soviet fairy tale". The analogy with fairy-tale is particularly highlighted by contrast with the harsh reality of *The Foundation Pit*. At the same time, the analysis of the little protagonists' images leads to the conclusion that they lost the traditional national values of the rural lifestyle symbolized by Grandmother's home. Instead, the collective farm house becomes their motherland. So, there appears the motif of the lost/forgotten paradise in the story's plot. Within the context of Platonov's biographical drama, the happy ending becomes the artistic way to cast a spell over the author's own destiny.

Для цитирования: Проскурина, Е. Н. Трансформация сказочной модели в рассказе А. Платонова «Июльская гроза» / Е. Н. Проскурина // Филологический класс. – 2019. – № 4 (58). – С. 70–74. DOI: 10.26170/FK19-04-09.

For citation: Proskurina, E. N. (2019). Transformation of a Fairy Tale Model in the A. Platonov's Story *July Thunderstorm*. In *Philological Class*. No. 4 (58), pp. 70–74. DOI: 10.26170/FK19-04-09.

Рассказ А. Платонова «Июльская гроза» нечасто попадает в зону внимания исследователей. В контексте поздней прозы писателя ему посвящены несколько страниц монографии Н. В. Корниенко [см.: Корниенко 1993]; специальному анализу рассказ подвергнут в статьях К. Уокера [Уокер 2000], Н. Власовой [Власова 2017]. В статье К. Уокера – как интертекстуальная переключка

с повестью А. П. Чехова «Степь», в работе Н. Власовой – в контексте «детского чтения». В ракурсе православной иконографии проанализирована «Июльская гроза» в статье Н. П. Хрящевой [Хрящева 2014].

Название рассказа «Июльская гроза» настраивает на радостное, светлое восприятие, близкое известному стихотворению Ф. И. Тютчева «Весенняя гроза (Люблю

грозу в начале мая)», где вся природа «вторит весело громам» [Тютчев 1984: 46]. Однако время создания: июль 1938 г. – вносит ноту тревоги в это первое впечатление. Собственную «майскую грозу» Платонов пережил 4 мая 1938 г., когда был арестован его пятнадцатилетний сын Платон. С этого момента все творчество писателя так или иначе связано с его семейной драмой. В «Июльской грозе» мотив тревоги за детей, попавших в природную грозовую ситуацию, несомненно, отражает тревогу Платонова за судьбу собственного сына, на что обращено внимание в работах Н. В. Корниенко, К. Уокера [Корниенко 1993: 270–277; Уокер 2000]. Сюжет рассказа, таким образом, встраивается в «сыновний» метасюжет позднего творчества Платонова, детально исследованный на материале его драматургии конца 1930-х – 1950-х гг. К. С. Когут и Н. П. Хрящевой [см.: Когут, Хрящева 2018].

В данной статье мы обратимся лишь к одной из граней богатого культурного контекста «Июльской грозы» (в ближайший входят, например, картина К. Маковского «Дети, бегущие от грозы», повесть А. П. Чехова «Степь» [см.: Уокер 2000]): сказочной модели как основе сюжета этого рассказа. Ей соответствуют такие элементы, как опасное путешествие, преодоление препятствий, жертвенная любовь, помощь волшебного помощника, счастливый финал. Фабула рассказа достаточно проста и может восприниматься как «детское чтение» [см.: Хрящева 2014; Власова 2017]. Маленькие герои, сестра Наташа и брат Антошка, направляются из родного колхоза «Общая жизнь» за четыре километра в деревню Панютино к дедушке и бабушке. Но, оказавшись в доме бабушки, дети засобирались в обратный путь, поскольку Антошка затосковал по родному дому. На обратной дороге они попадают в грозу. Домой изнемогших детей донес старик-прохожий.

При всей незатейливости фабулы в описание путешествия брата и сестры автором встроены элементы «грозовой» реальности 1930-х гг. В первую очередь это изображение пути маленьких героев как долгого «страшного» путешествия. Мотив страха прошивает все повествование, на что было обращено внимание редакторов при публикации рассказа в журнале «Октябрь» в ноябре 1938 г. [см.: Корниенко 1993: 272]. Так, заросли густой высокой ржи, через которую движутся дети, казалось бы, служат эмблемой хлебного достатка в стране, сменившего голодные годы начала 1930-х¹. Однако ржаные колосья, растущие по обочинам «жаркой дороги» и склонившие свои «головы назад к земле»², подобно утомленным старикам, вызывают у маленькой героини испуг: «не покажется ли кто-нибудь из ее чащи, где обязательно кто-нибудь живет и таится». Девочка при этом думает не о своем спасении, а о том, «куда ей тогда спрятать брата, чтобы он хоть

один остался живым». Первоначальное название рассказа «Спасение брата» на уровне подтекста соотносится с усилиями Платонова спасти от ареста собственного сына. В том же 1938 г. писатель создает пьесу «Голос отца», в которой сквозным в образе уже умершего отца, ведущего свой диалог с сыном Яковом из могилы, является мотив помощи Якову: «...я хочу сберечь тебя от горя, от ненужного отчаяния и от ранней гибели, от всех бедствий жизни, которые с тобой могут случиться. Поэтому я живу тебе на помощь» [Платонов 2006: 211]. Попытки спасти своего юного сына от ареста предпринимаются Платоновым на всем протяжении пребывания Платона в лагерях [см.: Платонов 2013: 428–479]. Сигнальным элементом пересечения литературного сюжета с биографией автора в «Июльской грозе» является именная переключка. В имя своего героя: Антошка – Платонов встраивает домашнее имя сына: Тошка.

На пути в деревню детям встречается странный старичок, «ростом... не больше Наташи, обут в лапти, а одет в старинные, холщовые портки». За спиной у него плетеная кошелка. Образ маленького старичка соотносится со сказочным старичком-лесовичком. Однако в нем не оказалось ничего сказочного: в отличие от известного типа персонажа, у платоновского старичка нет бороды – он предстал перед детьми «с голым, ничем не заросшим, незнакомым лицом», его портки заплатаны «латками из военного сукна», а шапка свалыана из домашней шерсти. Т. е. внешность старичка, за исключением по-детски маленького роста, типична для деревенского жителя. Как выяснится в дальнейшем, он оказался посыльным из племхоза.

Образ советской страны как бескрайнего сказочного пространства возникает в рассказе через восприятие бабушки:

«От их дворового плетня начиналось общее ржаное поле, и туда, в это поле, уходила дорога, ведущая сначала в колхоз, ... а затем дальше – в другие большие поля, заросшие хлебом и лиственными лесами, орошаемые светлыми реками, утекающими в теплое море...»

Эта райская картина – художественный контрапункт восприятию Жачевым окружающего колхоз пейзажа в повести «Котлован»:

«Жачев... долго наблюдал, как систематически уплывал плот по снежной текущей реке, как вечерний ветер шевелил темную мертвую воду, льющуюся с охладельных угодий в свою отдаленную пропасть, и ему делалось скучно, печально в груди» [Платонов 2000: 94].

Темной мертвой воде, льющейся в «отдаленную пропасть», и охладельным угодьям «Котлована» в «Июльской грозе» отчетливо противопоставлены светлые реки, «утекающие в теплое море», и большие, заросшие хлебом поля.

Изобильный дом бабушки, где «белое тесто» для блинов подходит «с избытком через край», сварен холодец, запасены грибы и земляничное варенье, а в светлой горнице стол убран «вышитой скатертью, как на праздник», вновь вызывает сказочные ассоциации со скатертью-самобранкой, мало соотносящиеся с реальностью 1930-х гг. Противопоставление деревенского и колхозного быта сделано автором через восприятие Наташи, рассматривающей вышитый на скатер-

¹ 5 августа 1937 г. в записке на имя Сталина Начальник ЦУНХУ Госплана СССР И. Д. Верменичев отмечает: «Урожай 1937 г. – 11,7 ц с 1 га не только значительно превышает урожай всех предшествующих лет, но и является базой новых, значительно более высоких урожаев третьей пятилетки» [См.: Трагедия советской деревни 2004: 287–293]. По современной статистике валовый сбор зерновых в 1937–1938 гг. был самым высоким за 1930-е гг.: 97,4 млн. т. См.: [Башкин http].

² Ссылки на текст рассказа приводятся по изданию: [Платонов 2011].

ти рисунок: «у них дома такой скатерти не было, а им и не надо: мать Наташи каждый день моет стол и скребет его ножом; у них и так чисто и хорошо». Так в повествовательную ткань произведения входит мотив утраченного/забытого рая, каким является традиционный уклад крестьянской жизни. Не случайно маленький Антошка, в отличие от многих сказочных героев, очень скоро начинает тосковать в доме бабушки и просит Наташу отвести его назад, отказавшись от блинов: «Не надо блины, я кашу буду, ее мама вчера варила...» Вчерашняя каша – еще одна деталь колхозного быта, выступающая антитезой бабушкиным только что испеченным «белым» блинам и обещанным оладьям. Но и для Наташи дом бабушки оказывается чужим: она пытается высмотреть в нем хоть что-то напоминающее родительский. Хотя, наблюдая за внучкой, Ульяна Петровна отмечает в ней черты, схожие со своими, «когда бабушка была девушкой». Так автором вносится в текст возможность «робкой, почти неуловимой связи между поколениями» [Власова 2017: 295]. Однако в финальной части рассказа ситуация разрыва между поколениями еще более усилена: равнодушие к отсутствию детей во время грозы испытывают их отец и дед, слабо оправдывающиеся на укоры председателя колхоза. Тревогу за детей испытывает только бабушка, высматривающая их с крыльца дома. Любопытно, что материнская забота ограничивается лишь прагматическими «жестами»: она меняет промокшим детям одежду со словами, что больше их никуда не отпустит, и готовит им еду. Такое отношение к ребенку – эмблема советской модели воспитания: дети должны быть одеты-обуты, накормлены и расти «общей жизнью» на благо государства. Вместе с тем, редукция родительского участия в сюжете соотносится с архетипом русской народной сказки, где роль опекунов, воспитателей детей зачастую принадлежит бабушкам и дедушкам, о чем свидетельствует повторяющийся зачин: «Жили были дед да баба и была у них внучка...»

Контрапункт родного колхоза и «чужой деревни» – еще одна антитеза «Котловану». Здесь важно указание на возраст маленьких героев. Старшей Наташе девять лет, младшему Антошке – четыре. Т. е. они принадлежат к поколению, рожденному в колхозе¹. Для них он является советской родиной, в отличие от героев деревенской части «Котлована», для которых преобразование родной деревни в неизвестный колхоз равносильно смерти, о чем свидетельствует сцена на Оргдворе:

«– Готовы, что ль? – спросил активист.

– Подожди, – сказал Чиклин активисту. – Пусть они попрощаются до будущей жизни.

Мужики было приготовились к чему-то, но один из них произнес в тишине:

– Дай нам еще одно мгновенье времени!

И сказав последние слова, мужик обнял соседа, поцеловал его трижды и попрощался с ним.

– Прощай, Егор Семеныч!

– Не в чем, Никанор Петрович: ты меня тоже прости.

Каждый начал целоваться со всею очередью людей, обнимая чужое доселе тело, и все уста грустно и дружелюбно целовали каждого.

– Прощай, тетка Дарья; не обижайся, что я твою ригу сжег.

– Бог простит, Алеша, – теперь рига все одно не моя.

<...>

– Ну, давай, Степан, побратаемся.

– Прощай, Егор, – жили мы люто, а кончаемся по совести» [Платонов 2000: 86–87]².

Как отмечает в своей статье К. Уокер, показательно, что гроза начинается в той части сюжета платоновского рассказа, где дети пускаются в обратный путь, оказавшись посередине огромного поля, символизирующего пространственный разрыв между домом бабушки и домом родителей [Уокер 2000: 713]. В этом лиминальном пространстве природное явление изображено автором в красках земной катастрофы:

«Дальняя молния в злобе разделила весь видимый мир пополам, и оттуда, с другой стороны, что за деревней Понютино, шел пыльный вихрь под тяжелой и медленной тучей. ...Вихрь настиг детей и ударил в них песком, землей, листьями, стеблями травы и деревенским сором. ...Вместе с вихрем, сквозь его горячую пыль, пошел град и стал бить в хлеб, в землю и в Наташу с Антошкой».

Картина грозы в сознании ребенка преобразуется в образ нищей старухи, соотносящийся со сказочной бабой Ягой:

«Он увидел черное, близкое, бегущее небо, а ниже его неподвижно висели серые облака, опустившие из себя длинные волосы ливня, сдуваемые бурей в пустую сторону, как космы у нищей старухи, и эти облака быстро меняли свое тело, таяли и переставали жить на глазах у Антошки».

Образы облаков меняют свои лики, подобно сказочным героям, то появляющимся, то исчезающим в укрытии шапки-невидимки. Завороженный этими природными метаморфозами Антошка ожидает новых превращений. И действительно, после дождя ему открывается картина обновленной земли:

«И хотя теперь на земле должно быть темно от страшной тучи, однако все было видно, только свет стал другой, – он был бледно-синий и желтый, но чистый и кроткий, как во сне; это светились травы, цветы и рожь своим светом, и они сейчас одни освещали поля и избы, потемневшие было под тучей, и сама туча была озарена снизу светлой землей. Увидя целыми и живыми траву, хлеб и избы, Антошка и сам тоже перестал бояться тучи и молнии».

Однако утихшая на время гроза возвращается с удвоенной силой, вызывая не только ливень, но и пожар. Мир, открывший ребенку свой прекрасный лик, вновь показал иной, яростный свой образ. Грозное нашествие, изображенное изнутри сознания четырехлетнего мальчика, приобретает характеристики атаки темных сил на живую беспомощную землю:

¹ Курс на коллективизацию сельского хозяйства был провозглашен на XV съезде ВКП(б), проходившем в декабре 1927 года.

² Подробно о вступлении в колхоз как о дьявольском договоре с новой властью см.: [Проскурина 2001: 59–83].

«Антошка увидел молнию, вышедшую из тьмы тучи и ужалившую землю. Сначала молния бросилась вниз далеко за деревней, но там ей было плохо или некуда было ударить, потому что молния подобралась обратно в высоту неба, и оттуда она сразу убила одинокое дерево, что росло посреди сельской улицы, около деревянной закопченной кузницы. Дерево вспыхнуло синим светом, точно оно расцвело, а затем погасло и умерло... От накатившего грома зашевелилась полегшая рожь... <...> Антошка прижался к сестре и заплакал от страха. Он боялся, что горит кузница, идет туча и снова сверкает гроза, которая ищет землю, чтобы убить дерево и зажечь их старую избу в колхозе. ... Из тьмы неба теперь проливался сплошной поток воды, который бил в землю с такой силой, что разрушал и разворачивал ее, словно дождь пахал поле».

Прохождение детей сквозь ливень сравнивается с путем через густой непроходимый лес – лейтмотивный сказочный хронотоп:

«Чаща ливня сросталась... все более непроходимо, даже идти шагом было сейчас трудно и больно, будто детей окружал сумрачный, твердый и жесткий лес, обдирающий их тело до костей».

В этом фрагменте страшное путешествие достигает своей кульминации – не только сюжетной, но и поэтической: в картину плотного ливня, соотносимого с лесной непроходимой чащей, вплетается макабрический образ обдираемого до костей тела. Жертвенная семантика вносится в эпизод переключкой с романом «Счастливая Москва», а именно, онейрическим видением Москвы Честновой во время операции:

«...она бежала по улице, где жили животные и люди, – животные отрывали от нее куски тела и съедали их, люди впивались и задерживали, но она бежала от них далее... туловище ее ежеминутно уменьшалось, ...наконец остались торчащие кости, – тогда и эти кости начали обламывать попутные дети, но Москва, чувствуя себя худой и все более уменьшающейся, терпеливо убежала дальше, ...лишь бы уцелеть, хотя бы в виде ничтожного существа из нескольких сухих костей... Она упала на жесткие камни, и все, кто рвал и ел ее в бегстве, навалились на нее тяжестью» [Платонов 1999: 76].

Пытаясь спастись от ливня, дети начинают рыть яму, чтобы укрыться и «прожить» в ней. Здесь возникает еще одна аллюзия, на этот раз на повесть «Котлован», где пригнанные на стройку общепролетарского дома колхозники роют землю «с таким усердием жизни, будто хотели спастись навеки в пропасти котлована» [Платонов 2000: 115].

Возникшая аллюзивная цепочка в «Июльской грозе» представляет собой дальний мерцающий фон рассказа: как эмблематический ряд – напоминание о социально-политической атмосфере сюжета. Опасное путешествие юных героев завершается благополучно. Его помогает преодолеть внезапно появившийся уже знакомый им маленький старичок. Он садит Антошку в кошелку, а Наташу берет на руки и так пускается в путь:

«У старика надулись жилы на шее, он спорбился, дождь и пот обмывали его тело и лицо, но он шел привычно и терпеливо по грязи и по воде».

В этом изображении старика возникает лейтмотив «слабой силы» – окказиональный элемент платоновской поэтики, источником которого служит евангельская максима «сила Божия в немощи совершается» («Но Господь сказал мне: „довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи“». И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова» (2 Кор. 12: 9)).

Сама же персонажная композиция, на наш взгляд, – перифраза сказки о Маше и медведе, где разумная девочка отправляет простоватого медведя к бабушке-дедушке отнести пирожков, а сама тайком устраивается внутри корзинки. Обещание Наташи глядеть за старичком, чтобы он отнес ее с Антошкой к отцу-матери, – еще один сигнальный элемент, отсылающий к той же сказке. В ней Маша наказывает медведю не есть пирожков из корзинки, приговаривая: «Высоко сижу, далеко гляжу». Этот сказочный мотив резонирует с биографическим сюжетом Платонова, ставшим частью суровой реальности 1930-х гг.: в письмах, адресованных разным властным инстанциям (наркому внутренних дел Ежову, заместителю наркома внутренних дел Фриновскому, в НКВД, Сталину), Платонов постоянно указывает, что его сын был арестован «вне дома». Об аресте Платона родители узнали лишь тогда, когда сотрудники НКВД пришли к ним с обыском. Мотив неизвестности относительно участи сына проходит через все письма Платонова 1938-го г. [см.: Платонов 2013: 428–447]. В рассказе же опасения Наташи оказываются напрасными: старичок-посыльный приводит их с Антошкой в родительский дом.

В заключительной части «Июльской грозы» благополучный финал усиливается богатой трапезой:

«Мать уже сварила для них картошку и полила ее сверху яйцами, а потом сметаной. Пусть дети растут и поправляются».

В этих последних строках автор снимает заложенный внутри сюжета конфликт между деревенским и колхозным бытом: стол, накрытый матерью для вернувшихся детей, не менее богат, чем бабушкин. Нельзя не отметить и того, что в желании Антошки вернуться домой звучит тоска по матери: «Отведи меня домой, я к маме хочу». Этот мотив объединяет многие произведения Платонова («Котлован», «Корова», «Еще мама» и др.). Вариацией данного мотива служит тоска по отцу в романе «Чевенгур». Его встроенность в сюжет «Июльской грозы» смягчает антитезу колхозного и деревенского мироустройства, жестко реализованную ранее в повести «Котлован».

Авторская ориентация на русскую народную сказку превращает сам сюжет рассказа в сказочную историю. В поэтике «Июльской грозы» элементы, взятые из жанровой матрицы волшебной сказки, преобразуются в реалистический сюжет, далекий, однако, от реальности 1930-х гг. В авторском намерении, на наш взгляд, скрыта творческая попытка заклясть судьбу. В это время главной задачей Платонова является спасение сына, для чего он предпринимает разнонаправленные усилия. В их числе – письма во властные структуры. Несомненно, эти попытки должны были поддерживаться и в художественном слове. Мотив избыточной жизни: налитых колосьев, боль-

ших новых урожаяев, сытного застолья – явная дань социально-политической грани творческого задания. Финальная формула «пусть дети растут и поправляются» – императивный посыл, не только адресованный Платоновым новому поколению, но в первую очередь направленный на изменение участи собственного

сына. Поединок страха и надежды в душе писателя отразился в рассказе как борьба тьмы и света, завершившаяся победой светлого начала. Таким образом, в авторском сознании благополучный финал «Июльской грозы» – своего рода перформатив, наделенный силой осуществленного действия.

ЛИТЕРАТУРА

- Башкин А. В. Урожай тридцатых или украденные достижения. – URL: istmat.info/node/21358#_ednref2 (дата обращения: 03.11.2019).
- Власова Н. Будущее на грозовом перевале истории: недетский «детский» рассказ «Июльская гроза // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. – М.: ИМЛИ РАН, 2017. – Вып. 8. – С. 292–297.
- Когут К. С., Хрящева Н. П. Поэтика драматургии А. П. Платонова конца 1930-х – 1950-х гг. Межтекстовый диалог. – СПб.: Нестор-История, 2018. – 278 с.
- Корниенко Н. История текста и биография А. П. Платонова (1926–1946) // Здесь и теперь. – 1993. – № 1. – 319 с.
- Платонов А. Счастливая Москва // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. – М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 1999. – Вып. 3. – С. 7–105.
- Платонов А. Котлован. Текст. Материалы творческой истории. – СПб.: Наука, 2000. – 399 с.
- Платонов А. Ноев ковчег. Драматургия. – М.: Вагриус, 2006. – 462 с.
- Платонов А. Сухой хлеб: Рассказы. Сказки. – М.: Время, 2011. – URL: ilibrary.ru/text/2375/p.1/index.html (дата обращения: 03.11.2019).
- Платонов А. «...я прожил жизнь». Письма [1920–1950 гг.]. – М.: Астрель, 2013. – 685 с.
- Проскурина Е. Н. Поэтика мистериальности в прозе Андрея Платонова конца 20-х – 30-х годов (на материале повести «Котлован»). – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 258 с.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 2004. – Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937. – 648 с.
- Тютчев Ф. И., Толстой А. К., Полонский Я. Н., Апухтин А. Н. Избранное. – М.: Правда, 1984. – 576 с.
- Уокер К. Забота о малолетних кадрах в «Июльской грозе» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. – М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. – Вып. 4. – С. 710–718.
- Хрящева Н. П. Топосы детства и прием «вербальной иконы» в поэтике детских рассказов А. П. Платонова 1920–1930-х годов // Детские чтения. – Екатеринбург – Санкт-Петербург – Bloomington (USA), 2014. – № 1 (005). – С. 151–170.

REFERENCES

- Bashkin, A. V. *Urozhai tridsyatykh ili ukradennye dostizheniya* [Harvests of the Thirties or Stolen Achievements]. URL: istmat.info/node/21358#_ednref2 (mode of access: 03.11.2019).
- Khriashcheva, N. P. (2014). *Toposy detstva i priem «verbal'noi ikony» v poetike detskikh rasskazov A. P. Platonova 1920–1930-kh godov* [Topos of Childhood and the Reception of the “Verbal Icon” in the Poetics of Children’s Stories of A. P. Platonov at the 1920–1930s]. In *Detskie chteniya*. Ekaterinburg, Saint Petersburg, Bloomington (USA). No. 1 (005), pp. 151–170.
- Kogut K. S., Khriashcheva, N. P. (2018). *Poetika dramaturgii A. P. Platonova kontsa 1930-kh – 1950-kh gg. Mezhtekstovyy dialog* [Poetics of A. P. Platonov’s Drama at the End of the 1930s – 1950s. Intertext Dialogue]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. 278 p.
- Korniyenko, N. (1993). *Istoriya teksta i biografiya A. P. Platonova (1926–1946)* [Text History and Biography of A. P. Platonov (1926–1946)]. In *Zdes' i teper'*. No 1. 319 p.
- Platonov, A. (1999). *Schastlivaya Moskva* [Happy Moscow]. In «*Strana filosofov*» *Andreya Platonova: Problemy tvorchestva*. Moscow, IMLI RAN, Nasledie. Vol. 3, pp. 7–105.
- Platonov, A. (2000). *Kotlovan. Tekst. Materialy tvorcheskoi istorii* [The Foundation Pit. Text. Materials of Creative History]. Saint Petersburg, Nauka. 399 p.
- Platonov, A. (2006). *Noev kovcheg. Dramaturgiya* [Noah’s Ark. Drama]. Moscow, Vagrius. 462 p.
- Platonov, A. (2011). *Sukhoi khleb: Rassказы. Skazki* [Dry Bread: Short Stories. Fairy Tales]. Moscow, Vremya. URL: [https://ilibrary.ru/text/2375/p.1/index.html](http://ilibrary.ru/text/2375/p.1/index.html) (mode of access: 03.11.2019).
- Platonov, A. (2013). «...ya prozhil zhizn'». *Pis'ma [1920–1950 gg.]* [«...I’ve lived my life» Letters [1920–1950]]. Moscow, Astrel'. 685 p.
- Proskurina, E. N. (2001). *Poetika misterial'nosti v proze Andrey Platonova kontsa 20-kh – 30-kh godov (na materiale povesti «Kotlovan»)* [Poetics of Mystery in Andrei Platonov’s Prose of the Late 20s – 30s (Based on the Material in the Novel *The Foundation Pit*)]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf. 258 p.
- Tragediya sovetской derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy* [The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Disposition. Documents and Materials]. (2004). Moscow, ROSSPEN. Vol. 5. 1937–1939. Book 1. 1937. 648 p.
- Tyutchev F. I., Tolstoy A. K., Polonskii Ya. N., Apukhtin A. N. *Izbrannoe* [Tyutchev F. I., Tolstoy A. K., Polonskii Ya. N., Apukhtin A. N. Selected Works]. (1984). Moscow, Pravda. 576 p.
- Uoker, K. (2000). *Zabota o maloletnikh kadrakh v «Iyul'skoi groze»* [Caring for Young Staff in the *July Thunderstorm*]. In «*Strana filosofov*» *Andrey Platonova: Problemy tvorchestva*. Moscow, IMLI RAN, Nasledie. Vol. 4, pp. 710–718.
- Vlasova, N. (2017). *Budushchee na grozovom perevale istorii: nedetskii «detskii» rasskaz «Iyul'skaya groza* [The Future on the Thunderstorm of History: the Non-childish „Children’s“ Story *July Thunderstorm*]. In «*Strana filosofov*» *Andrey Platonova: Problemy tvorchestva*. Moscow, IMLIRAN. Vol. 8, pp. 292–297.

Сведения об авторе

Проскурина Елена Николаевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск).

Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.
E-mail: proskurina_elena@mail.ru.

Author's information

Proskurina Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk).